

ЗИНА

ПОВЕСТЬ

*Дорогому другу и любимой жене
Карпенко (Меньшиковой)
Зинаиде Владимировне
ПОСВЯЩАЮ*

От палатки к палатке несется: — Сержанта Меньшикову к начальнику госпиталя. Меньшикову к майору...

Шатер палаточной медсестры последний в ряду от палатки руководства госпиталя, у самой кромки леса.

— Зина, тебя вызывает Цаплин, — кричит, вбегая, "вестовая" медсестра Валентина.

Зина сидит возле стонущего на койке совсем молоденького солдата.

— Сестра, не уходи! Погладь еще. Ноги так болят, терпения нет! — умоляет тот сквозь стон. Зина гладит ему ноги, которых нет (ампутированы обе), и тихонько уговаривает: — Потерпи, Васенька. Я быстро вернусь.

В тот же час из дальнего угла палатки раздается скрипучий голос пожилого казаха. Он, видимо, не очень силен в русском, но несколько слов, коверкая, выговаривает четко и с явным удовольствием:

— Цистерна! Утку, судно и попить! — Пауза и опять. — Цистерна! Утку, судно и попить!

— Валечка, пожалуйста, обслужи Малдыбаева, — просит подругу Зинаида и выбегает из палатки.

Медленно бредет на другой конец палаточного городка, в котором раскинулся их полевой хирургический госпиталь. Мысли по поводу вызова нерадостные: "Опять затевает какую-нибудь каверзу..."

Нахлынули воспоминания недавнего пережитого. Как-то майор медицинской службы, вновь назначенный на должность начальника госпиталя, вздумал довольно грубо поухаживать за веселой, жизнерадостной девчонкой со светло-русыми, выгоревшими до белизны кудрями, пригласив ее, как и сейчас, в свой начальственный кабинет. Небольшого роста, пузатенький крепыш, хирург гражданской специальности. Жена его терапевт. Дородная женщина Тамара Павловна служит при нем.

— По вашему приказанию сержант Меньшикова явилась!

— Ну зачем так официально, Зиночка. Подходи ближе. Как идет у тебя служба? Не нужно ли тебе в чем помочь?

Зина застыла на месте, не успев ничего ответить. Цаплин подошел сам, внезапно обхватил своими клещами-лапами тонкий девичий стан и попытался поцеловать ее в губы.

В первый момент девчонка просто опешила от неожиданности, однако, быстро придя в себя, острыми зубками вцепилась ему в

нос. Обидчик завопил и разжал объятия. Воспользовавшись замешательством, Зина выскочила за дверь и бросилась бежать в сторону леса. Там, усевшись на полянке, долго рыдала, а успокоившись, вернулась в свою палатку. Долго умывалась и полоскала рот. А тем временем её уже хватилась ведущий хирург, совершавший очередной обход раненых, доктор Амуров. Импозантный мужчина, старый холостяк. Свободного времени у хирурга почти не было. Но если выдавалась какая-то минутка, садился за гитару. Прекрасно играл и душевно исполнял романсы... для себя. Но слушатели находились всегда: и раненые, и медперсонал. Зина была одной из горячих его поклонниц. Особенно трогательно звучал в его исполнении романс "Гори, гори, моя звезда". Доктор Амуров пользовался всеобщей любовью за свою доброту, обходительность, высокий профессионализм и интеллигентность.

— Где пропадала, рыжее солнышко? — увидев Зину, поинтересовался он.

Опухшие от слез глаза говорили о многом. Но деликатный доктор не требовал объяснений. Начался обход раненых: осмотр, назначения, подготовка некоторых для отправки в тыловые госпитали, выписка.

Зина о случившемся молчала. Цаплин тоже, естественно. Опухлость носа с заплаткой объяснил ударом одного из раненых во время острого приступа боли (часто оперировали без наркоза). Новых притязаний с его стороны не было. Все, казалось бы, обошлось. Но Цаплин оказался отнюдь не джентльменом. И изощренно мстил ей при каждом удобном случае. Ничего хорошего не предвещал и этот вызов. Однако приказ есть приказ. Дорога, вопреки желанию, короткая. Вот и командирская палатка.

— Вызывали?

— Вызывал, вызывал.

За столом рядом с Цаплиным бравый подполковник с летными опознавательными знаками. Госпиталь входил в состав 9-й Гвардейской десантной армии.

— Сержант Меньшикова! Поступаете в распоряжение подполковника Потапова. Вы и два санитары. Получите медикаменты. О дальнейших ваших действиях проинструктирует товарищ подполковник, — сказал начальник госпиталя и громко крикнул в проем палатки: — Старшина Воронин, ко мне! Выделите в распоряжение сержанта Меньшиковой двух санитаров из выздоравливающих.

— Слушаюсь, товарищ майор! — отчеканил тот.

Кандидатуры командированных санитаров, видимо, оговаривались заранее. Ими оказались два пожилых узбека, плохо говорящие на русском.

Между тем, подполковник Потапов задавал вопросы:

— Сержант, вы летали когда-нибудь на самолете?

— Нет, не приходилось.

— Ну и, конечно, не прыгали с парашютом?

— Нет, конечно.

Глаза Цаплина злорадно сияли, а рот кривился в ехидной улыбке:

— Ничего, сержант Меньшикова все сможет, даже если будет это делать в первый раз! — и машинально почесал нос.

Увидев этот жест, Зина, несмотря на всю серьезность обстановки и волнение от тревожной неизвестности, залилась жемчужным смехом, который так нравился и раненым, и персоналу. Доктор Амуров называл ее "Колокольчик ты наш!"

Неловкое замешательство разрядило появление старшины с санитарями. Те, как загнанные зверьки, непонимающие, чего от них хотят, испуганно рассматривали окружающих.

— Рядовые Нурсаитов и Абдурахманов, поступаете в распоряжение сержанта Меньшиковой! Она ваш командир. Будете выполнять все ее распоряжения, — говорит Цаплин.

Рядовые бормочут себе под нос что-то невнятное. Старшина Воронин, который и сам из Средней Азии, переводит:

— Они не понимают!

— Ну вот и ладненько, — констатирует начальник госпиталя. — Сержант Меньшикова, забирайте свою команду! Старшина, организуйте получение медикаментов и сухого пайка.

Зина смотрела на санитаров, и ужас отражался на ее лице. Лицо летчика выражало недоумение.

Лицо Цаплина сияло:

— Всем все ясно? Выполнять! Товарищ подполковник, через полчаса команда в вашем распоряжении.

Зина вышла из палатки. Санитары нехотя поплелись за ней (что-то они поняли или делают вид, что не понимают). Полуторка десантников уже стоит у хозчасти.

— Меньшикова, распишись в получении, — кричит старшина.

Выздоровливающие, приписанные к хоззвуду, погрузили нехитрый скарб в полуторку. Легко вспорхнула Зина в кузов, только мелькнули ее пудовые кирзовые сапоги. Кряхтя, вскарабкались са-

нитары. Подполковник захлопнул дверцы кабины. Машина затарахтела и рванула в... неизвестность. Грунтовая дорога была отнюдь не гладкой. Мысли, навеянные дорогой, были нерадостные и уносили в уже далекое прошлое. С каждым ухабом и рытвиной мысли вспархивали и улетали, а их место занимали другие. Вспомнилось детство в многодетной семье сельского священника (три девочки и три мальчика). Мать-учительница. Отец в этой же школе вел Закон Божий и математику. Безмятежную и счастливую жизнь прервал неожиданный арест главы семьи и последовавшие за ним репрессии...

Яркая и душераздирающая картина. Папа, священник Владимир, бежит за телегой, привязанный к ней на длинную веревку. Какой-то мужик нахлестывает лошадь. Отец Владимир падает, поднимается и вновь бежит, выбиваясь из сил. За ним бежит матушка Серафима с грудным ребенком на руках, что-то кричит, обливаясь слезами. Бежала, пока подвода не скрылась из виду.

Из дома семью священника тут же выселили. Дом заняли коммунаровцы. Коммуну возглавлял известный в деревне пьяница и дебошир Кузька. Он и был ярым и главным инициатором местных репрессий.

Ценнейшую библиотеку сожгли тут же на церковном дворе. Семье разрешили временно занять сторожку. Вскоре маму и двух братьев (Колю четырнадцати лет и Володю десяти) отправили на лесоповал в те же северные районы. Маму отдельно от мальчиков.

Очередной ухаб изменил картинку из той жизни. Зина живет уже не в сторожке, а в самой церкви. Мама после возвращения уехала с мальчиками в город Великий Устюг, где содержался в тюрьме Владимир Асикритович с другими священниками, собранными со всей округи. Как потом стало известно, от них требовали отречения от Бога. Серафима Константиновна хотела быть поближе к мужу, чтобы облегчить его участь. Помочь не удалось, хотя охрана мзду охотно брала. Но передачи оседали у нее же. Отступников веры среди заключенных священнослужителей не нашлось. Все они, в том числе и отец Владимир, погибли от издевательств. Единственное, что сделал один из охранников, сообщил о времени и месте захоронения мучеников в общей яме на отшибе городского кладбища. Погребение совершили, конечно же, под покровом темной ночи.

В тот же вечер, когда Зина, уложив младшего брата Гену, готовилась ко сну, появилось видение папы, который сказал: "Зина! Зина, закрой восточную дверь на засов. Она открыта. Пойди сейчас же!"

И виденье исчезло. Зина быстро побежала к восточным воро-

там. Они действительно были открыты. Закрыв двери и закрепив засов, она только теперь осознала всю необычность происходящего.

— Папа! Где ты? Я все сделала, как ты велел!

Но видение больше не повторилось. Зина улеглась спать. А на утро в сторожке нашли зарубленного топором сторожа. А вот уже совсем другая картина. Мама забрала маленького Гену и жила с тремя мальчиками в Великом Устюге. Старшая сестра Валя в Ленинграде вышла замуж и забрала сестру Милу к себе. Мама ненадолго пережила папу.

Зина оставалась в деревне. Ютилась на русской печи в избе сердобольного учителя. Но однажды зимой местная власть приказала ей убраться из деревни. Девятилетняя девочка вынуждена была двинуться в путь. Добрые люди собрали котомку с нехитрой снедью (хлеб, вареная картошка), в носовой платок завязали медяки. Впереди девяносто километров заснеженного пути. Глубоко вздохнув, маленький человечек шагнул в белое безмолвие. Через пару часов послышался лошадиный топот. И вскоре показались сани. Мужчина в тулупе окликнул ее:

— Куда идешь, сердешная?

— В Великий Устюг, к маме.

— Эка, ты хватила! Девяносто верст, поди!

— Я не знаю. Мне сказали: иди по дороге, кто-нибудь попутный подвезет.

— Садись, но я подброшу недалеко. Мне на Андронову сворачивать. Садись.

Укутал малышку сеном и набросил какую-то тряпицу.

— Подремли, покуда!

Пятнадцать километров в дреме пролетели быстро.

— Окстись, сердешная! Тута я поворачиваю, а ты иди прямо. Верст через пять будет большое село Усть-Алексеевское. Там можешь попроситься к кому-то переночевать. Мобыть, и пожевать дадут чегось.

— У меня деньги в платочке.

— Вот этого никому не говори. Лихого народу полно! Ну! С Богом!

Сани растаяли за снежной пылью. И девочка снова двинулась вперед в неизвестность. Дорога кажется бесконечной. Страшно. Горе разрывает крохотную и беззащитную детскую душу. Вспомнилось, что зимой в село за околицу забредали волки. Нередко задирали скот и даже нападали на людей. Маленькое сердечко сжала

тоска. Она один на один с этой нескончаемой заснеженной дорогой. Но надо идти. Впереди встреча с мамой. Больше никто не обгонял, встречных тоже не было. Снег, снег, снег. И дорога, которой нет конца. Но маленькие ножки делают свое дело. Посерело. Вскоре стало совсем темно. Жутко. Мороз крепчает. Силенки на исходе. Но... вот впереди заблестели огоньки. Это придало силы. В конце концов, до предела измученные ножки донесли девочку до первой хаты, в которой она нашла приют на ночь, похлебку и место на русской печи. Долгожданный покой. Утром хозяин, веселый бородач-крепыш, запряг сани и к огромной радости нежданной ночной маленькой гостьи предложил:

— Прокачу, красавица, верст двадцать, а там, не обессудь, у меня другая дорога.

Крепыш, улыбаясь, подхватил ее на руки и усадил в сани на вкусно пахнущее сено. Хлестнул лошадку, и сани понеслись. Согретая добротой душа ее улыбалась утру, солнцу, резво бегущей лошадке, искрящемуся снегу. Дорога не казалась такой страшной. И так... Где пешком, где на попутных долгий путь был преодолен. За замерзшей Двиной предстал на высоком берегу во всем своем величии златоглавый своими многочисленными соборами и церквами Великий Устюг...

Встряска на очередном ухабе перенесла сержанта Зину еще на несколько лет назад. Зина с маленьким Геней живет в предбаннике. В самой крошечной баньке ютились принявшие детей родственники — бывший хозяин щетинной фабрики с женой. Старшая Зинина сестра Валя, проживающая в Ленинграде, высылала кое-какие деньги на имя хозяина. Хозяйка передавала их Зине, чтобы та покупала еду себе и брату. Девочка покупала на базаре морковку и репу. Этим и питались. Мамы уже не было. Вскоре Валя забрала к себе маленького Гену. Зина перезимовала в баньке, а весной и ее отправили в Ленинград. Помнит себя, сошедшей с поезда на шумный многолюдный перрон. Растерялась. Стояла оглушенная с бочкообразным фанерным чемоданчиком в руке, и слезы наворачивались на глаза. Но оцепенение и растерянность длились недолго. Нежные руки сестер Вали и Милы с обеих сторон заключили ее в свои объятия. Валя на то время уже была замужем за Лешей. Брак был счастливым с обоюдной любовью и уважением. Но, увы, недолго длилось счастье. Оба погибли в блокадном Ленинграде. Мила, которую Валя тоже приютила в своей семье, долгое время не могла устроиться на работу (учиться детям репрессированных ро-

дителей не разрешали). В конце концов, взяли домработницей в семью преуспевающего советского чиновника. Хозяин не остался равнодушным к молодой красивой девушке и попытался, было, "приударить" за ней. Это тут же стало известно его ревнивой супруге. И та в гневе на третий день выставила плачущую, ни в чем не повинную девушку. После долгих мытарств один пожилой еврей, добрейшей души человек, заведующий хозяйственной частью Мариинского театра, устроил Милу в бухгалтерию театра ученицей счетовода. По прошествии времени она освоила работу счетовода, а затем и бухгалтера. Жизнь налаживалась. Обоюдная любовь озарила ее еще ярче. Мила крепко полюбила сына хозяев дома, где снимала угол. Объяснения в любви, поцелуи, клятвы в вечной верности. Счастье, казалось, засияло всеми цветами радуги. Но, увы, радостные мгновения продолжались недолго. Как-то Мила решила рассказать любимому о судьбе своих родителей и семьи. Конечно, она не могла поступить иначе. Ошарашенный Сева чуть не потерял дар речи. А когда пришел в себя, разразился целой гневной тирадой:

— Ты должна была рассказать мне об этом с самого начала! Ты меня обманывала. На что ты рассчитывала? Я комсомолец! У нас с тобой разные дороги! У меня не может быть ничего общего с врагами народа! Ты задумала испортить мне карьеру? Ничего у тебя не выйдет!

Мила молчала. Слезы лились беззвучно. Такого жестокого непонимания любящее сердце никак не ожидало. Девушка бросилась бежать без оглядки. И, наконец, громко разрыдалась: жизнь, похоже, еще раз жестоко посмеялась над ней... Но время, как говорится, лечит. Вскоре Милу горячо полюбил инженер-речник Михаил Никулин. Будучи на десяток лет старше, он сумел отогреть ее своей душевной теплотой. Хотя и был коммунистом, ничуть не побоялся того, что ее родители были репрессированы.

— Это не имеет никакого значения!

И... в дальнейшем во всех анкетах родители Милы фигурировали просто как сельские учителя, что, собственно, было сущей правдой. Вскоре Михаила Романовича направили на работу в город Горький, в Волжское речное пароходство. Через некоторое время назначили главным инженером пароходства. С собой они забрали Зину и воспитывали её как дочь...

Очередной поворот фронтовой дороги, и... страшно вспомнить! Вторая ударная армия. Мясной Бор. Выход из окружения. Воспоми-

нения одно за другим бередают душу девушки-сержанта.

Но вот машина покатила по гладкому шоссе. И мысли вдруг заискрились веселыми зайчиками. Молодость всегда берет свое, вопреки суровой действительности. 1943 год. Конец октября. Госпиталь на новом месте. Развернулись рядом с железнодорожными путями. Совсем недалеко бронепоезд "Стойкий" с экипажем балтийских моряков. Они каким-то образом узнали о появившемся соседстве госпиталя и прислали дрезину с приглашением медицинскому персоналу принять участие в праздновании юбилея комсомола. Руководство госпиталя долго упиралось, но, в конце концов, уступило настойчивым уговорам девчат.

И... манит торжеством переполненный зал, гремит духовой оркестр. Всеобщее оживление. Командир бронепоезда капитан Доценко не отходил от Зины ни на шаг и был неплохим партнером по танцам. В третьем часу разошлись. Капитан проводил Зину до палатки, попросил адрес, обнял. Зина вырвалась и убежала.

На следующий день уже начальство госпиталя организовало танцы, пригласив моряков с баяном. Танцы состоялись, но Доценко не пришел. Правда, на следующий день прислал записку с просьбой о встрече. Зине очень хотелось увидеть боевого командира, но она и виду не подала.

А тем временем госпиталь уже свернули. Ожидали состав под погрузку. Зина с подружками прогуливалась вдоль железнодорожных путей, втайне надеясь, что Доценко как-то узнает об их отъезде. И... чудо свершилось! Вдали показались силуэты двух мужчин во флотских шинелях. Это был он и его помощник. Долго прохаживались флотский капитан с Зинаидой вдоль путей. Оказалось, что Доценко имеет высшее образование, начитанный и остроумный. Но, как в той песне комсомольской поется: "Дан приказ ему на Запад, ей в другую сторону...". Взял адрес, и развели их в разные стороны фронтовые пути-дорожки. Сколько раненых ребят прошло через руки палаточной медсестры. Все брали адрес полевой почты. Многие писали. Многие пропадали. Некоторым отвечала, чтобы не обидеть...

А между тем, машина этого своеобразного новоиспеченного "десанта" подкатила к месту большого скопления людей, автомашин и другой техники. Похоже, это штаб какого-то соединения, подумала Зинаида, а сопровождавший их подполковник, выйдя из машины, сказал:

— Мы на месте! Сейчас вас отведут в столовую, потом к

месту, где вы сможете отдохнуть пару часов, поспать. Затем приступим к делу.

Команда Зины (двое тихих старичков, молчавших всю дорогу) оживилась. Их встретил храбрый старший сержант. Галантно расшаркавшись перед девушкой, пригласил следовать за ним на щи и кашу. Два часа долгожданного отдыха. И тот же старший сержант, разбудив Зину, проводил в штаб. В комнате, кроме подполковника Потапова, находилось еще двое: полковник, видимо, из десантников и лейтенант, тоже летчик. На столе во всю ширину лежала карта. Подошел еще майор-десантник. Полковник дал ему слово, подчеркнув, что майор Самохин является непосредственным руководителем операции:

— Излагайте, Григорий Андреевич!

— Для специального задания в тылу противника нами заброшена группа десантников. Известно, что группа с заданием справилась, но понесла потери, есть раненые. До линии фронта им добираться далеко. Раненые перехода не выдержат и затруднят выход остальным. Командующий армией обеспокоен судьбой десантников. Принято решение: ближе к месту, где они предположительно находятся (на карте вот это место, где есть свободное пространство, достаточное для посадки легкого транспортного самолета), организовать медицинский пункт первичной помощи раненым с последующей отправкой их на Большую Землю. Сегодня в ночь, а точнее перед рассветом, самолет, пилотируемый лейтенантом Квиткой, вылетит к месту развертывания медпункта. Сейчас загрузим самолет. И ожидаем вылета. С этого момента, сержант Меньшикова, начинается ваша работа. Есть вопросы?

— Как будет происходить связь с вами? — поинтересовалась Зинаида.

— На месте развертывания медпункта для подготовки посадочной площадки выброшена группа, имеющая рацию.

— Самолет будет находиться с нами? — продолжила она.

— Да, до вечера. Лейтенант поможет в развертывании медпункта. Курсирование самолета будет определяться по обстановке. Лейтенант Квитка, будьте предельно внимательны и осторожны. Если вопросов нет, приступаем к выполнению операции.

Полковник распорядился вызвать к нему начбоя и командира хозроты.

— Начбой капитан Черноброд по вашему приказанию прибыл.

— Капитан, выдайте сержанту Меньшиковой личное оружие с

боекомплектом и организуйте загрузку в самолет страховочного оружия для десантников, — недослушав, скомандовал полковник. — Сержант Меньшикова, пройдите с капитаном Чернобродом. Далее вас найдет старшина Баранов и отведет к самолету. Примите участие в погрузке медикаментов и инвентаря. Можете выполнять, капитан Черноброд и сержант Меньшикова!

— Командир хозроты капитан Одинцов! — отрапортовал второй вошедший.

— Капитан, организуйте погрузку медикаментов, инвентаря, продуктов питания и всего другого необходимого. Проследите лично. Об исполнении доложите мне. Майор Самохин, проследите за исполнением всей погрузки. Готовность доложите мне лично! Все свободны! А вы, подполковник, задержитесь. Иван Иванович, дорогой, проверьте готовность самолета лично. Надо, чтобы у нас все получилось. Командующий и все мы, десантники, очень на вас надеемся. Ну, с Богом!

Зина получила револьвер системы "Наган" и патроны к нему. Капитан Черноброд показал, как его зарядить и что при необходимости нажимать. Пожелал удачи. Подошел старшина Баранов, и они с Зиной направились к самолету. Возле него возились белокрысый лейтенант с мотористом. Капитаны Одинцов и Черноброд руководили погрузкой. Зинины подопечные грустно наблюдали за происходящим. Ее появление оживило обстановку.

Пилот представился с улыбкой: — Андрей, Андрюша! — Зина! — улыбнулась она в ответ.

Один из ребят хозроты, видимо, завзятый балагур пропел слова из популярной в это время на фронте песенки, изменив чуть-чуть имя:

— Ах, Зина, Зиночка, моя блондиночка. Моя любимая, ты вспомни обо мне! Моя любимая, никем не заменимая. Подруга юности, подруга по войне!

Зина залилась румянцем. Капитан Одинцов, пряча улыбку, нарочито грубо оборвал:

— Коваленко! Отставить самодеятельность! Сержант, проверьте работу наших артистов. Все ли на месте?

Зина, оправившись от смущения, прошла в самолет. Все, конечно, уже было на месте и уложено наилучшим образом. Десантники во главе с чернявым сержантом принесли парашюты. Примерили вначале на Зину. Показали, как закрепить.

— Когда будешь прыгать, ангел небесный, на счет десять дернешь за это кольцо. Приземляться старайся на спину и двигайся на

восток. Будем надеяться, что до этого дело не дойдет.

Сержант Чабан улыбнулся:

— Парашют складывал сам, так что не извольте беспокоиться. Все в лучшем виде!

Потом стали примерять парашютные сумки санитарам. Те никак не хотели их одевать, не понимая, что это и зачем? Все же кое-как удалось их уговорить. Выглядели они в парашютах, как обиженные марсиане. Ребята пытались их развеселить, рассыпая комплименты и корча рожи. Но те еще больше замкнулись. Окончив подготовительные работы, все пошли ужинать. Затем небольшой отдых перед броском.

Зине не спалось. Тревожила неизвестность. Бывало и раньше, жизнь висела на волоске. Медсестер госпиталя периодически откомандировывали в группу ОРМУ (отдельная рота армейского усиления), когда там погибали медики. После артобстрела, припоминается, поднялась пехота при поддержке нескольких танков. Медсестры бегут за солдатами. Немцы, опомнившись, открыли ответный артиллерийский огонь. Снаряды рвутся почти в самой гуще наступающих. Бежавших впереди разнесло в клочья. Осколками ранило других, в том числе Зину. Раздробило кисть правой руки. Она схватила первого попавшегося солдата с перебитой ногой и затащила его в воронку (знала уже, что в воронку редко попадает вторичный снаряд). Жуткая картина сменилась провальным сном.

Очнулась девушка от того, что кто-то тряс ее за плечо:

— Вставайте, Зина. Пора! Самолет готовится к вылету, — сказал старшина Баранов.

Растолкал и Нурсаитова с Абдурахмановым. Те смотрели удивленно, смешно гримасничая своими кошачьими усами, хорошо видными в свете фонаря. Наконец уразумели, что к чему, и все отправились к самолету. Его силуэт еле просматривался в плотной предутренней серой мгле, пробиваемой кое-где фонариками. Около самолета уже было полно знакомых: летчик Андрей с мотористом Анатолием, подполковник Ежов, майор Самохин и Ванюша Чабан с командой. Закрепили парашюты, усадили на сидения, пожелали удачи, и... захлопнули дверцы кабины. Самолет тихонько вырулил на взлетную полосу. И вскоре незаметно повис в воздухе. Сердце Зины готово было выскочить из груди. Она пыталась успокоить себя мыслями о том, что ее там ждут, в ней нуждаются, что раненым очень нужна ее помощь. И все же жутко. Первый раз полет в самолете, и не где-то в аэроклубе, а на фронте, да еще в тыл врага! Еще больше пугал па-

рашют. С ним связывались куда более мрачные мысли. Самолет, между тем, набрал высоту и лег на курс, известный только одному белобрысому летчику. Вся надежда на него и на Бога!

Зина мысленно помолилась, вспомнив молитву из своего детства. Где-то внизу — линия фронта. Но ничего не видно, только серая мгла. Судя по времени, полет уже давно длится над занятой фашистами территорией. Наконец, мгла постепенно начинает рассеиваться. Наступает рассвет. И там внизу все четче очертания бескрайнего лесного массива. Вспомнились леса родной Вологодчины. Бескрайние и непроходимые. Освоенные только вокруг деревень и грунтовых дорог. Сердце защемило еще сильнее.

Самолет закружил над лесной поляной. Видимо, это и есть заданный квадрат. Выброшены здесь сутки-двое тому назад два десантника должны были бы обозначить взлетно-посадочную полосу. И летчик, похоже, что-то нащупал. Самолет начал снижение и, спустя мгновение, запрыгал по кочкам лесной поляны. Сняв парашюты, долгожданный экипаж спускается на землю.

Двое десантников, пользуясь правами встречающих, обнимают и целуют Зину. Представляются: Миша! Леша!

Андрей тоже пытается ее поцеловать: — А я чем хуже?

Зина, смеясь, отбивается ото всех: — Обнимайте и целуйте моих санитаров. Они тоже прилетели к вам в гости. Встречайте, как положено!

Хочет. Парни засмутились. Миша, который был за старшего, оправился быстрее остальных и вернул всех к суровой действительности:

— Леша, бери санитаров и организуйте с летчиком маскировку самолета. Кстати, как тебя зовут, птах небесный? — обращается он к пилоту.

— Андрей!

— Первозванный?! Это хороший знак, к добру. Леша, перед маскировкой выгрузите медикаменты и остальное, что подскажет Андрей.

— Вы, сержант... Кстати, как вас величать, прекрасная незнакомка?

— Зина!

— Зинаида! Рожденная Зевсом! С нами Бог и Крестная сила! — проявляет свою начитанность Алексей.

— Ваши глубокие познания в древнегреческой мифологии нас всех просто умиляют, старшина Романов! — замечает его товарищ.

— Недаром копчу белый свет. Да и первый курс филологического факультета чего-то стоит. Я так полагаю, лейтенант Грозный, — отшучивается тот.

— Да уж, наслышаны! — парирует Михаил и говорит: — Зина, пойдемте со мной, посмотрите и оцените место, выбранное для развертывания лазарета.

Углубились в лес. Метров через тридцать очутились на поляне, окруженной развесистыми кронами могучих деревьев.

— Вот тут, между этими соснами, поставим палатку. Как вы считаете, место удачное? — спрашивает девушку сопровождающий.

— Очень хорошее, — одобряет она.

Самолет разгрузили и замаскировали. Всем миром принялись перетаскивать груз на внутреннюю поляну. Работа спорилась. Ребята оказались весельчаками. Так и сыпали остротами и прибаутками. Особенно летчик Андрей и десантник Миша, явно желая привлечь внимание симпатичного сержанта.

— Куда я попал? Грозный, Романов! Императорское собрание, да и только! А вы, наше чудо, наверняка тоже из этой компании?

— Меньшикова! — хохочет Зина, рассыпаясь звонким колокольчиком.

Все подхватывают ее хохот. Даже озадаченные необычностью происходящего санитары улыбаются, поддавшись всеобщему веселью.

— Ну, а ты, орел наш сизокрылый, может быть, назовешь себя и примкнешь к нашей компании? — задыхаясь от смеха, говорит Михаил.

— Увы, не оправдал ваше доверие. Я могу только усыпать цветами ваше величественное собрание. Квитка. Андрей Квитка! Квитка на украинском — цветок.

— Как красиво! — хлопает в ладоши Зина. И вновь вспоминается ей родная Вологодчина, пойменные берега реки Варжа на окраине родной деревни, луга, усыпанные цветами.

— При всех наших царственных фамилиях победа за тобой, птах ты наш цветастый! — сдается Миша. — Только тебе принцесса хлопала в ладоши!

Приступили к установке палатки. Вскоре и эта работа была закончена. Кто-то напомнил, что пора подумать и о еде. Тут-то весьма кстати пришли способности тишайших старичков-санитаров. Уже горит костер, а в котле булькает похлебка из картофеля и тушенки. Мужчины умоляют Зину распорядиться спиртом. Но она неумолима:

— Если останется что-либо после отправки последнего раненого, все ваше! И только после возвращения к своим!

Вздохи разочарования. Притворные. Все понимают серьезность ситуации. С большим удовольствием уничтожили похлебку.

— Хороша каша, да мала чаша! — щурится в умилении Алеша, отваливаясь от импровизированной скатерти-самобранки, то есть плащ-палатки, расстеленной на земле.

— Шутка! Котелки то, что надо! — говорит он озорно.

Все остальные тоже тут же улеглись на траву. Отдых!

— Э нет, друг Леша! Бери автомат и бдительно неси патрульную службу! — командует Михаил. — Через два часа разбудишь меня!

Часа через полтора Алексей, отойдя от палатки в глубь леса метров на пятнадцать, услышал голоса. Разговаривали по-русски с заметным напряжением: "Вроде бы, где-то здесь!"

Подобравшись поближе, увидел двух мужчин, несущих на самодельных носилках третьего. Их одежда висела ключьями. Лица в кровоподтеках и ожогах. Передвигались с трудом.

— Наши! — закричал Алексей, обращаясь сразу к спящим у палатки и к тем, кого там ожидали.

Этот квадрат оговаривался заранее еще при подготовке операции. Все участники знали направление отхода, ориентиры и место сбора. Операция тщательно готовилась. Выполнена успешно. Но непредвиденные обстоятельства заставили группу рассредоточиться и выбираться разрозненно. Крик Алексея поднял всех на ноги. Миша и Андрей подхватили из рук пришедших носилки и быстрыми, но осторожными шагами поспешили к импровизированному лазарету. Зина почти вприпрыжку рядом. Осмотрев раненого, констатировала:

— Пулевое ранение в грудь и раздроблена стопа левой ноги.

Из раны в груди все еще сочилась кровь.

— Это наш командир, капитан Падорин, — сказал высокого роста, могучего телосложения один из пришедших, у которого плетью висела левая рука.

Улыбаясь через силу, представился:

— Илья!

— О! Настоящий Илья Муромец! — отозвалась Зинаида. — Посмотрю, чем я могу помочь капитану, а потом займусь вами.

— Олег! — назвалась второй и продолжил: — При отходе нас основательно потрепали, попали в засаду.

Видимых повреждений на первый взгляд у парня не просматривалось. Однако он, как и остальные, был черен от пороха и пыли, в кровоподтеках. Только небольшой чубчик упрямо сохранял свою неповторимую с пшеничным оттенком белизну. Как узнала Зина позже от его друзей, нордическая внешность парня не раз вводила в заблуждение немецких солдат и офицеров при вылазках разведчиков в тылы противника. А если возвращались без языка, то развлекались тем, что одевали Олега в немецкую форму и связанного вели через нашу передовую, от души потешаясь и балагурия. Ни у немцев, ни у наших его внешность не вызывала сомнений.

Капитан бредил. Губы пересохли и потрескались, глаза воспалены, голова горит. Зина ввела обезболивающее и антибиотики. Рану обработала и наложила повязку. Ступню обработала и наложила шину. Нужна срочная эвакуация. Тяжело раненый потерял много крови. Дальнейшее лечение нужно проводить в стационаре. Зина позвала летчика и не то попросила, не то скомандовала:

— Андрей, готовьте самолет к вылету как можно быстрее. Дорога каждая минута!

— Взлетать я смогу только на рассвете или прямо сейчас, пока не стемнело. Но если вылететь немедленно, то самолет могут заметить и уничтожить вместе с капитаном, а оставшихся могут раскрыть и будут пытаться уничтожить здесь, на земле.

— Без переливания крови жизнь капитана в опасности! До утра может не дожить, — возразила медсестра.

— Я посоветуюсь с Мишей, — промолвил Андрей и вышел.

А минут через пятнадцать вернулся вместе с ним.

— Нужно рисковать! — выдал Михаил сходу и добавил: — Готовь самолет, Андрей! Зина, капитан готов к транспортировке?

— Илью и Олега отправим с ним?

— Да, конечно!

Зина, закончив перевязывать Илью, занялась осмотром Олега. Ранений у него не было, но в тех местах, где порвана одежда, а также на лице и руках много ожогов и глубоких ссадин. Девушка занялась их обработкой. А когда процедура закончилась, Олег, хитро прищурился, промолвил: — По-моему, нужно повторить!

— Нужно, но уже в госпитале, — засмеялась в ответ та и принялась инструктировать его с Ильей, как ухаживать за тяжело раненым в полете. Все направляются к самолету. Однако те не хотят лететь, заявив, что останутся до тех пор, пока не соберется вся группа.

Миша думает недолго:

— Илья, ты летишь с командиром. А Олег остается с нами.

Олег расплылся в улыбке. Илья хмурится:

— Везет же... — вздыхая, лезет в самолет. — Бывай, счастливчик! — кивает на прощанье своему другу.

А Зина еще раз инструктирует Илью, как обращаться с раненым.

— Все выполню лучшим образом, сестренка, — заверил тот и добавил: — Надеюсь на скорую встречу.

Этим же рейсом отправили и одного из стариков-санитаров, более пожилого — Али.

Где-то там самолет взлетел, взяв курс за линию фронта. В глубине леса раздались автоматные очереди по взлетевшему самолету. Но он уже был вне досягаемости. Теперь пальба усилилась в направлении самого лагеря.

Миша, Олег и Алексей заняли круговую оборону. Лейтенант скомандовал Зине и санитару залечь и не высовываться. Перепуганный Саид мгновенно выполнил указание, уткнувшись в землю. Зина, лежа, вытщила пистолет, вспоминая инструктаж начбоа о том, как наганом пользоваться. Однако командир приказал ей и санитару переползти в палатку и залечь.

Ребята не стреляли в белый свет, поджидая, когда фашисты проявятся. Сколько их? Что они знают о медицинском десанте? Откуда их ждать?

После первой беспорядочной стрельбы наступило затишье. Видно, враги тоже обдумывают ситуацию. В воздухе повисла тревожная тишина. Пауза затягивалась.

Зина высунулась из палатки. Миша жестом со страшной гримасой потребовал от нее скрыться немедленно обратно, что она нехотя сделала. Взлет самолета, похоже, спутал все карты противника, и тот вынужден был проявиться первым. Как раз напротив того места, где сидел в засаде Алексей, послышался шорох, и он жестом дал понять Мише и Олегу быть начеку. Все поняли: настала решающая минута. Еще мгновение и... появился немец. Он озирался и осторожно продвигался вперед. Подпустив его поближе, Алексей выскочил из засады, прикладом сбил немца с ног, вжал лицом в землю, запечатал рот кляпом: надо бы пленного допросить. Но пленник не подает признаков жизни. Видимо, перестарался, думает Алексей. Да и немецким-то прилично владеет один только Миша. А меняться местами рискованно: могут обнаружить. Остается ждать. Та сторона тоже ждет. Задержка

разведчика с информацией их явно озадачила. Ждут.

Пленный Алексеем немец, наконец-то, очнулся, быстро хлопав глазами. Алексей приставил дуло автомата к его виску и вынул кляп изо рта. Попробовал вести допрос сам, вспоминая слова из школьной программы и зацепившиеся здесь на фронте:

— Wieviel soldaten?

— Acht soldaten und leutnant Schnitke.

Алексей засунул кляп на место. Просигналил ребятам: девять растопыренных пальцев — всего немцев. Друзья поняли правильно — по три на брата. В ответ просигналили сжатым кулаком на уровне плеча: они не пройдут!

Зина вновь высунулась из палатки. Миша замахал на нее руками. Она опять неохотно скрылась. И снова изнурительное ожидание. Сейчас неясность больше беспокоила противника и вынуждала его к активным действиям. И враг не замедлил проявиться. Все девять автоматов заговорили одновременно: тактика внезапного нападения. Ребята не отвечали, ожидая, когда немцы засветятся, чтобы бить наверняка. Фашисты, похоже, видят только палатку. На нее и направлено все их внимание. Автоматные очереди буквально изрешетили полотнище. Зина и Саид вдавились в землю. Это их и спасало. Однако в этот сакраментальный момент выдвинувшийся вперед немецкий солдат выхватил гранату, вырвал чеку и собрался сделать контрольный бросок в палатку. Находившийся ближе всех к нему Олег отреагировал мгновенно. После его выстрела фашист уронил гранату себе под ноги. От ее взрыва немца и его окружение разнесло в клочья. Урон противник понес значительный. Где-то в глубине леса и, казалось, в тылу у немцев вдруг заговорили автоматы. Миша, Алексей и Олег активных действий не предпринимали, затаившись. Оставшиеся в живых немцы отстреливались, отступая к палатке, полагая, что противника они уничтожили, а взрыв гранаты был случайным. Их было пятеро с офицером. Покончить с ними для десантников не составило труда.

Однако обстановка оставалась неясной. От кого отстреливались немцы? — тревожила всех одна и та же мысль. Должно быть, наши союзники. Но кто? Не наломать бы дров. Так же, видимо, рассуждали и те. Опять затишье. После недолгого раздумья Миша принял решение, закричав:

— Десантники! Мы свои. Мы ждем вас!

— Олег, назови себя!

— Ребята! Это я, Олег Соколов. Выходите. Мы ждем вас! В

живых остался только один немец, взятый нами в плен.

После этой тирады из леса вышла группа десантников. Всего их было шестеро. Седьмой навечно остался в этой земле. Тяжело раненых среди них не было. Чернявому невысокого роста сержанту осколок разодрал бедро до кости, не повредив ее. Несмотря на серьезное ранение и потерю крови, его природная жизнерадостность не давала покоя ни ему, ни окружающим. Compliments Зине сыпались, как из рога изобилия:

— Фея ясноглазая, это тебе мы обязаны счастливым избавлением! Принцесса, потеряй туфельку, ну сапожок. Вернемся на Большую Землю, всю ночь буду петь тебе романсы.

— Ладно, принц, спустишь на землю. Давай-ка мне свою ногу, — остудила его пыл санинструктор.

У Анатолия, питерского студента, рукавом гимнастерки была замотана голова. Но судя по тому, как он балагурил, его ранение, видимо, было нетяжелым. При тщательном обследовании Зина действительно обнаружила скользящее пулевое ранение над правым ухом, кожа разодрана до кости. Тряпица вся пропитана уже засохшей кровью. Но студент из Питера, как любовно он именовал свой город, преисполнен энергии:

— Зина, я ведь тоже медик, студент второго курса медицинского института. Бери меня в помощники.

— С удовольствием, — ответила девушка, улыбнувшись.

В это время в палатку заглянул Олег:

— Толя! Рискуешь быть вызванным на дуэль! Я уже давно помощником у Зины.

Оказывается, они закадычные друзья. Оба ленинградцы, будущие медики.

— Скоро, мальчики, наша операция закончится, разлетимся мы в разные стороны.

— Я буду лететь только за вами, Зина!

— В паре, в паре со мной, Толик! И Зине выбирать, кому остаться с носом.

Этот диалог прервал Миша:

— Общий сбор, десантники! А насчет проследования в паре... Зина нам всем, как сестра в пушкинской сказке — сестрица, да еще медицинская. И при том, может быть, у нее уже есть королевич! Так что, общий сбор!

К палатке подошли Алексей и Семен.

— Самолет может прилететь на рассвете или следующей но-

чью, — продолжил Миша. — Нужно принять меры предосторожности. Можно ожидать повторного нападения. Я допросил немца. Зовут его Курт Шнайдер, солдат на гражданке — автомеханик. Их группе поручено, по возможности, захватить нас, в крайнем случае, уничтожить.

— Кстати, что с ним делать?

— Возьмем с собой. А пока, связанный и с кляпом, пусть лежит у палатки под присмотром Зинаиды и Саида. Разделимся. Трое патрулируют сейчас: Алексей, Семен и Олег. Я, Толя и Николай будем менять. Зина и Саид попеременно, время от времени, должны совершать обходы вокруг палатки, не спеша, но и не засыпая на ходу. Пост сменный перед палаткой. Обзорение по трем сторонам. Патрули выбирают место в засаде: двое с фронта, третий скользящий, больше внимания в сторону тыла. Все в пределах видимости друг друга. Ночью сигнализация периодически птичьими голосами. Меняемся: днем через четыре часа, ночью через два. Первой смене приступить. Зина — первая смена, Саид меняет. Остальным отдыхать! Все, — закончил Михаил.

Первая смена приступила к дежурству. Анатолий предпочел остаться у палатки:

— Пионерский привет Зиночке — героической защитнице Ленинграда!

— Откуда это известно?

— Летчик сказал Мише. Он видел медаль "За оборону Ленинграда", когда ты сдавала комсомольский билет и награды в политотделе. Так что мы земляки и почти родственники: воздух родного Питера ласкал нас.

Кто побывал в Питере, тот обязательно вернется снова. Адмиралтейство, Летний сад, канал Грибоедова, Дворцовая площадь, Зимний дворец, разводные мосты и еще многое, многое... И, конечно же, белые ночи. Покажу вам, Зиночка, Питер во всей его красе! Город на Неве навеки пленит Вас! И вы уже никогда не покинете его. Это я вам говорю!

— О! Да вы поэт, — улыбается Зина.

— Толя! Не мешай Зине. Да и тебе пора вздремнуть. Ночь предстоит тревожная. Коля, после обработки не задерживайся. Не начинай хвалить свой Нижний. Расскажешь в самолете.

— Лейтенант, ты невозможный сухарь! — отозвался Анатолий.
— Прервал такой интересный диалог.

— Диалога я что-то не ощутил. А монолог был действительно хо-

рош! Толик, со мной. Коля поспешай! Зина, отдохни тоже. Пусть Саид посидит возле пленного. Извини, сестренка, я забираю этого соловья.

Миша с Анатолием ушли. Николай — высокий, сухощавый, жилистый парень. Пока Зина оказывала ему помощь, действительно рассказал, что он нижегородский, работал на автозаводе в сборочном цеху. Город свой любит и много хорошего может о нем рассказать. Зина улыбнулась ему и своим мыслям. Ведь ее школьные годы прошли в Горьком. Туда она и надеется вернуться. И, может быть, там ее ждет встреча со своей мечтой. Кто знает? Работа добросовестно выполнена.

— Идите отдыхать, Коля. Нижний действительно интересный город! Пусть вам повезет!

Тревожная ночь прошла спокойно. Когда начало светать, появилась долгожданная птичка. Сначала рокот мотора, потом сам самолет. Быстро развернули сигнализацию. Андрей четко посадил стальную птицу. Еще одна тревожная ночь. Чуть стало светать, загруженный самолет вылетел на Большую Землю. Благополучно приземлился. И новые друзья с обоюдным сожалением расстались.

Продолжалась война. У каждого из них было свое предназначение. Уже через сутки Зина вернулась в родную палатку хирургического полевого передвижного госпиталя первой линии. В первый месяц после официального окончания войны, вывозя раненых из госпиталя на железнодорожную станцию для погрузки в подвижной состав, отправляемый в тыловые стационарные госпитали, получила тяжелое осколочное ранение головы (трещина черепа) и несколько мелких телесных повреждений. А случилось это до банального просто. В одном месте дорога была основательно разбита, и водитель пошел в объезд по бездорожью. Машина наскочила на мину. Пострадали многие. Зина долго лечилась. Потом ее демобилизовали и направили на долечивание по месту жительства в город Горький в санаторий для реабилитации раненых. После выписки еще долго мучили головокружение, тошнота, потери сознания. Несмотря ни на что, цепко держалась за жизнь и училась. Сначала в вечерней школе, а затем в медицинском институте. Работала врачом долгое время и после выхода на пенсию.

Николай

Детство его было безоблачным. Село Мякиницино крупное, зажиточное. На окраине села, вернее в его начале, величественная каменная о пяти куполах церковь Святого Николая-угодника, Чудотворца. Рядом — деревянный домик батюшки, отца Владимира. Да и все дома в деревне деревянные. Слава Богу, кругом леса на сотни верст. Так и хочется сказать по старинке именно верст. Такой стариной былинной веет ото всей лесной необъятности. Березы и сосны переплетены так, что только старожилы могут пробираться одними им известными тропками. Человек же несведущий упрется в непроходимую стену. От грунтового проселка в сторону только несколько шагов, и... все та же стена непролазная. Грунтовые дороги, соединяющие разбросанные деревни, неширокие, чуть шире повозки или саней. По обеим сторонам дорог опушки перед лесными зарослями, усыпанные грибами. Рыжики, белые, подосиновики, подберезовики — как рукотворные плантации. По мере продвижения возникают огромные поляны, обычно вблизи деревень ярко зеленые в лучах сияющего солнца (а солнце здесь летом шпарит основательно) с голубоватым отливом. Лен, лен, лен, лен! Откровенно упоительно жизнерадостный! Это от Мякиницино на восток. А на западе — речка Варжа. Неширокая, со спокойным течением, с пологими берегами, заросшими мягкой шелковистой травой. Дальше разнотравье луговое с цветами немислимых оттенков и запахов. И среди этих необъятных просторов луговых разбросаны рощицы. И так до самого горизонта.

Отец семейства — батюшка Владимир (Владимир Асикритович Меньшиков) — родился в поселке Лальск Вологодской губернии. Окончив духовную семинарию, получил приход в селе Мякиницино Вологодской волости. Отец его и все предшественники, о которых известно, трудились на ниве духовного просвещения. И далее в глубь веков тоже, о чем мы с женой Зиной, младшей дочерью отца Владимира, узнали случайно при весьма необычных обстоятельствах.

Моя Зиночка после достижения шестидесятипятилетнего возраста все же вышла на пенсию, но усидеть дома долго не смогла и устроилась врачом в детский дом далеко от нашего жилища. Автобусное сообщение с пересадками и длительными ожиданиями. В результате — воспаление легких, перенесенное на ногах и, как следствие, осложнение на сердце. Обычные методы лечения не

дали положительных результатов. В это время в городе объявился экстрасенс Александр Кугель — очень яркая личность с феноменальными способностями. Зина обратилась к нему. Узнав, что она медик, он категорически отказался ей помогать, так как городская медицинская элита встретила его появление в городе и успехи на ниве врачевания в штыки. Через прессу вылились потоки грязи, обвинения в шарлатанстве. Он же совершал чудеса: разрушал и удалял камни, опухоли, возвращал слух детям, в Новосибирске раскрыл кражу, а находясь в Первомайске, раскрыл преступление, совершенное в районе, и многое другое.

Зину первая неудача не обескуражила. После третьего захода Кугель перед ее обаянием не устоял. Дал несколько сеансов за плату, а затем предложил присутствовать на его сеансах в качестве медика-консультанта, находясь в его ауре. Однажды в образовавшемся "окне" предложил Зине заглянуть в ее родословную, эдак лет на пятьсот назад (мог заглядывать и вперед). А, заглянув, заявил:

— Вижу религиозную атрибутику. Богатство. Роскошь... Династия религиозных сановников высшего ранга. И пятьсот лет назад, и четыреста, и триста, и двести. А потом — обнищание и откровенная нищета. В семейных преданиях упоминается о сановном предке в чине епископа. Обнищание началось где-то после восстания декабристов. Но существование династии при этом не прервалось. Конец династии положило большевистское правление. До октябрьского переворота жизнь семьи сельского священника протекала безмятежно. Шестеро детей: три мальчика и три девочки, да Серафима Константиновна (в девичестве Попова) — матушка. Батюшка Владимир культовую деятельность совмещал с преподаванием Закона Божьего и математики в местной сельской школе. Там же Серафима Константиновна преподавала русскую словесность.

Вся интеллигенция округи по праздникам слеталась на огонек в гостеприимный дом семьи Меньшиковых. Летом на повозках, зимой на санях, вваливаясь с клубами морозного воздуха. Отец Владимир прилично играл на гитаре, и вообще, был душой общества. Исполняемые им русские романсы никого не оставляли равнодушными. Пели хором. Обсуждали текущие дела — местные и государственные. Когда грянул гром над устоями государства Российского, старшему мальчику Коле шел семнадцатый год. Революционные страсти и лихолетья гражданской войны не принесли в эти края эпохального перелома. Буря разразилась над селом и округой в пери-

од коллективизации — с сопутствующим раскулачиванием, тотальной борьбой с религией и с физической расправой со служителями культа. Всех священников округа свезли в тюрьму Великого Устюга: принуждали отречься от Веры Православной, от Бога. В камеру набивали людей столько, что они могли лишь стоять. Кормили только селедкой, а воды не давали. За три месяца всех замучили. Серафима Константиновна, как только отца Владимира арестовали, тут же приехала в Великий Устюг и пыталась как-то облегчить участь мужа. Драгоценности, которые удалось спасти, отдала охраннику из тюрьмы, надеясь что-либо узнать о муже и передать продукты. Охранник, мороча голову отчаявшейся женщине, выманивал последние крохи. Но в конечном счете выдал-таки информацию о времени и месте захоронения страдальцев за Веру. Все мученики были преданы земле на городском кладбище. Привезли на телеге, уложенных штабелями, и захоронили в общую яму под покровом темной ночи. Серафима Константиновна с Колей, предупрежденные охранником, присутствовали при этом кошунстве, прячась за деревьями в полуобморочном состоянии и обливаясь слезами.

Родной брат Серафимы Константиновы в Великом Устюге — партийный чиновник районного масштаба. И, естественно, со своей бедой она в первую очередь обратилась к нему. Но получила жесточайший отворот:

— Ты с ума сошла! Чтобы я влезал в эту авантюру? И вообще, забудь дорогу в мой дом. Наши пути разошлись!

Так, вместо ожидаемой поддержки, семья получила еще один удар. В 1927 году от священника потребовали 200 рублей выкупа за дом, где проживала многодетная семья, так называемое самообложение. Деньги по тем временам весьма большие. После первого побора вскоре последовало новое требование выплаты еще 200 тысяч рублей. На что денег уже просто не было. Из дома выгнали. Приютил семью священника церковный сторож в своей сторожке. Старшая сестра Валя уехала в Ленинград, затем в Павловск, где удачно вышла замуж и прожила жизнь счастливую, но недолгую. Погибла вместе с мужем Лешей в блокадном Ленинграде. Еще до гибели родителей она пригласила к себе Милу. В дальнейшем взяла на себя полностью заботу и об остальных братьях и младшей сестренке. Мила к тому времени имела семилетнее школьное образование и мечтала получить среднее и высшее. Но времена наступили другие, жестокие. Правда, режим еще не додумался до лагерей для жен "врагов народа" и детдомов со специальным режимом для их

детей. Однако ограничение прав было уже налицо. Термины — лишенец, лишенка, лишенцы — существовали и действовали. Путь к образованию им был закрыт.

После разорения и смерти любимого мужа и кормильца Серафима Константиновна с детьми осталась без малейших средств к существованию. Нужно было приспособливаться к новой нелегкой жизни. Поэтому Милу отправила к родственникам в Архангельск, а сама завербовалась подсобной рабочей на лесосплав на полгода. Мальчиков определила в эту же систему (не оставлять же их одних!). Да и питание, как-никак. И заработают что-то. Но вместе не получилось: подростков вербовали в другое место. Работы на лесосплаве начинались с мая 1930 года.

Николай вспоминает то время с детской непосредственностью. Лесосплав по реке Мезень на севере Архангельской губернии. Мальчишек сразу же по прибытии на место отправили с другими завербованными подростками в баню. Встретила их там начальница на последующие полгода — огромная зверь-баба, настоящая надсмотрщица. Первая команда, поступившая от нее:

— Выстирать животы!

Кто не понимал указаний или сознательно придурился, принуждала подчиниться ее приказам, хватая подростков, как она выражалась, "за главное место". И волокла нерадивого к месту исполнения, вышибая у провинившегося слезы.

Обрубали сучья, распиливали мерные бревна, грузили на подводы, свозили к реке на сплав. Полгода пролетели, и осталось от всего этого в мальчишеской памяти: "главное место", "стирайте животы!", "чего вянешь?" — призыв, подхлестывающий нерадивых.

Дальнейшую учебу после начальной сельской школы старшим детям перекрыли, как чуждым элементам. Колю удалось пристроить в Великом Устюге в чемоданную мастерскую артели "Смычка". Но закрепиться там не удалось. Вскоре разобрались и выгнали, как сына священника. Вторая попытка оказалась удачнее. Маме удалось устроить Колю (с большим трудом) учеником сапожника в обувной цех кожевенного комбината, где работала к тому времени сама. Проработал там Николай с 1932 года по 1937 год. Выучился на мастера. Зимой по договору комбинат на шесть месяцев направлял артель из своих работников (куда попадал и Николай) по деревням подшивать валенки (зима-то северная). В 1937 году старшая сестра Валя вызвала Колю в Ленинград (мамы уже не было, и все заботы о детях взяла на себя Валя со своим мужем Лешей).

Через некоторое время Коля устроился уже как специалист, в сапожную мастерскую в городе Пушкино под Ленинградом. Он подлежал призыву на действительную службу в армию, но от услуг чуждого элемента отказались. В августе 1941 года его все же призвали и определили в 5-ый погранотряд войск НКВД минометчиком. В первый же день рядового Меньшикова приставили к дверям камеры охранять особо опасного преступника.

— Смотри, Меньшиков, в оба! Охраняешь предателя Родины! Не подведи. Родина тебе доверяет.

— Не извольте беспокоиться, товарищ начальник! Исполню в лучшем виде, — отвечает красноармеец Меньшиков, в недавнем прошлом лишенец, потенциально социально опасный элемент.

— Нужно отвечать: есть, товарищ Отделенный командир.

— Есть, товарищ Отделенный командир! — чеканит часовой Меньшиков, облаченный высоким доверием.

Тюремные будни закончились довольно скоро. Немцы рвались к Ленинграду. Отряд выдвинули на передовую. Минометчик красноармеец Меньшиков в составе своего 5-го пограничного отряда НКВД осваивал окрестные безмерные болота и замерзал на снегу. Оно же, это болото, и спасло его, когда внезапно накрыла немецкая шрапнель. Очнулся не сразу. А когда пришел в себя, долго не мог понять, где он и что с ним? Ни рук, ни ног не чувствовал. Лежал в болоте, как в зыбке. Звездное небо в тишине ночной было какое-то нереальное. Голос тоже не слушался. Опять потерял сознание. Вторично пришел в себя уже в полевом госпитале. Как узнал потом, увидели его местные любознательные деревенские ребятишки. Показался он им живым еще, так как что-то бормотал в забытьи. Позвали взрослых. Два старика (все мужское население деревни) с большим трудом вытащили его из трясины. Ребятишки тем временем сбегали в развернутый неподалеку полевой госпиталь. Там его и подлатали: ампутировали кисть правой руки. И это еще не все: на левой руке пальцы не сгибаются, а вследствие общей контузии нарушен слух, порох усеял плотно все лицо и шею, превратив северного парня с льяными кудрями в необычного африканца, курчавого, но блондина.

После мытарств по пяти госпиталям в июле 1942 года Николая уволили из армии по ранению.

— Куда поедешь? — поинтересовались при выписке.

— В Павловск, откуда призывался.

— Там немцы (июль 1942 год). Родные где?

— Родных нет.

Выписали в Великий Устюг. Вернулся Николай в родной до боли городок, где вырослел, где получил специальность, где могила мамы и где покоится прах отца вместе с другими такими же страдальцами за веру. Основная достопримечательность города — его соборы и церкви в несчетном количестве. Власть, как ни старалась, не смогла стереть их с лица земли. И стоят они бесхозные, запущенные, захламленные, но гордо возносящие свои непокорные головы к небесам, ко Всевышнему, как бы указывая мирянам путь к спасению!

Город встретил солдата неприветливо. Людей на улице почти не видно. Да и то лишь старики и дети. Первая старушка, шедшая навстречу, увидев искалеченного солдата, шарахнулась с криком:

— Чур меня, нечистая сила!

Горько усмехнулся солдат. В зеркало он, конечно, себя видел, но такой реакции не ожидал. В самом центре города, как привет земли родной, встреча с односельчанином тоже в армейской форме.

— Здравствуй, Федя!

— Здорово, если не шутишь? Да кто ты? Чтой-то я тебя не признаю, паря!

— Ты Андронов Федор?

— Ну да!

— А я Меньшиков Николай!

— Эко тебя разукрасили! Только волосы признаю. Ну да девки любить больше будут! Они обожают все необычное. Ты куда теперь?

— В военкомат пока. А там — не ведаю. А ты?

— Я тоже к военкому. После госпиталя заехал домой, а теперь вот на фронт, куда пошлют.

В военкомат шли вместе. Вспоминали детские и юношеские годы. Военком посоветовал Николаю подыскать вдовушку с квартирой, так как он, военком, искалеченному солдату, мол, ни жилья, ни работы предоставить не может.

— Выше нос, Меньшиков. Сейчас мужики нарасхват! Такого героя любая возьмет с лапочками! — успокоил его военком.

Криво усмехнулся в ответ ему Николай, вспомнив шарахнувшуюся старушку. В городе, правда, есть родня со стороны матери. Но... Ее родной брат, партийный деятель районного масштаба, в самое тяжелое время наглым образом отказал в помощи, выставив неудобных родичей за дверь. С тех пор отношения не поддерживали.

Не найдя утешения и не решив земные дела в Великом Устюге,

подался изувеченный солдат в родную деревню. Недолго оставался одиноким: уборщица колхозного правления, сама неумеха и губошлеп, разделила судьбу его нелегкую. А он стал трудиться, так сказать, в четырех лицах: и почтальоном, и приемщиком молока, и весовщиком, и кладовщиком. И все это с одной рукой, с несгибающимися пальцами на другой, с плохим слухом и зрением. По прошествии некоторого времени местная деревенская фельдшерница (пожилая, с богатой практикой и жизненным опытом, еще и знахарка) зазвала как-то Николая к себе через Тоню:

— Пусть зайдет твой служивый, соображения у меня есть насчет руки евонной.

Николай недолго сопротивлялся.

— Покажи руку, сердешный!

Долго прощупывала кисть, каждый отдельный палец, каждую фалангу. Наконец, вынула откуда-то маленький камешек с пшенинное зернышко. И пальцы, на удивление, задвигались. Радости Николая не было предела: хоть и одна рука, но настоящая!

Правление колхоза выделило молодым бесхозную избушку, в которой давно уже никто не жил. До этого Николай жил постояльцем у одинокой старушки Семеновны, приютившей горемыку. Она же и сосватала, в конце концов:

— Давай-ка женись на Антонине!

Сегодня "женись!", завтра" женись!" и умотала-таки: сама за каждого и признание сделала.

Избушка-развалюшка оказалась вовсе не избушка, а банька по-черному. Но все же кто-то до них, похоже, ее обживал, потому что она вся, как есть, просто кишела изголодавшимися клопами.

Первая брачная ночь прошла очень... весело. Обострению чувств активно содействовало несметное полчище озверевших кровопийцев. Прямо тропические страсти, несмотря на бешенную вьюгу за окном. И вторую ночь промучились кое-как. А всю третью ночь давили клопов друг на друге, давили и на полу. Но десантники, неумные изуверы, пикировали с потолка, не оставляя никаких надежд на избавление. Тоня стонала со слезами:

— Коля! На мне живого места нет, как будто высекли розгами!

— Мне это тоже не нравится. Я тоже весь в волдырях. А куда податься? Стужа. Вьюга. Враз зачоченеет. И никто нигде нас не ждет. Утром пойдем к кому-нибудь проситься на время. А тапереча дави их у себя спереди, а я буду давить на спине. Все тебе легче будет.

— Ой, Николай. Много ты одной рукой надавишь? — заулыбалась Тоня.

— Я и культей могу не хуже. Смотри!

Так со слезами и улыбками прошла тяжелая третья ночь. Больше трех ночей медового месяца в этом "шалаше" молодожены не выдержали. Правление колхоза ничего другого предложить не смогло.

С утра пошли по дворам: не пустит ли кто перезимовать хотя бы? Деревня большая. Здоровых мужиков практически нет, старики, бабы да детишки. Полдеревни обошли. Безрезультатно. Кому нужен калека, да еще с бабой! Кто-то подсказал обратиться к одинокому колхозному пастуху. Был он весьма необычным: древний, но могучий, весь заросший седыми густыми вихрастыми волосами. Дед-лесовик и соловей-разбойник одновременно, угрюмый и нелюдимый. Женщин не терпел, да и мужчин не очень. Об этом молодых предупредили.

— Ты, Коля, уж положишься на меня, сам-то больше помалкивай.

— Да что ты, Тонь! Он же баб терпеть не может!

— Я только три дня, как баба. Так что за девку сойду! А ты помалкивай!

— Не нравится все это!

— По клопам скучаешь?

— Ладно, стучи ужо.

На стук никто не ответил.

— Коля, стукни ты как следует.

Николай тарабанит левой рукой. За дверью опять — тишина. Тогда тот стукнул по двери в сердцах ногой.

— Кого принесла нелегкая? — слышалось из-за двери.

— Отворите, Селиверст Федотыч! — отозвалась Антонина.

— Сказывайте, чего надобно? — прозвучал скрипучий голос старика.

— Откройте, Селиверст Федотыч. Сквозь двери несподручно сказывать, — продолжали упрашивать его пришедшие.

— Ладно, заходите! — сказал негромко, распахивая дверь.

Перед молодыми в проеме двери стоял огромный кряжистый, как пень, мужик, уже обросший густой лохматой седой порослью, отменно черный от прожитых лет и многолетней грязи (не мылся ни зимой, ни летом!).

— Можно к вам зайтить-то? — робко поинтересовалась Антонина.

— Заходи, заходи! — пробормотал старик, не глядя на нее. Древ-

ний пастух чурался женщин, даже побаивался их.

За его спиной открылась не изба, а баня по-черному. Застарелая грязь на всем. Лежанка на печи и только. Береста, лапти, горшки развешаны по стенам на клиньях, вбитых между бревнами.

— Одни живете, Селиверст Федотыч? Не скучаете?

— Сам себя веселю! Ты кто будешь?

— Я Тоня, прибиральщица правления колхозного.

— А это, что за негра с тобой?

Николай, услышав такое обидное высказывание о себе, позабыв обо всех Антонининых наставлениях, вспылил:

— Сам недалече ушел от меня, пень горелый! Я на фронте от пороха почернел, когда накрыло нас шрапнелью немецкой. А ты черен от грязи, тебя еще отмыть можно!

— То мой муж, Николай Меньшиков. Только из госпиталя, после фронта, — поспешала разрядить ситуацию Тоня. — Мы оженились, как три дня. А жить негде. Не пустите ли нас перезимовать? Вместе веселее будет!

— Мне и так весело. Тараканы скучать не дают! — отозвался старик. — Тебя, девка, я, mobility, и пустил бы, но с негррой твоей ни за што!

Старик говорил громко, жестикулируя руками и лохматыми бровями. Николай понял смысл. Гневный взор, мечущий молнии, направлен на него, и слова обращены ему. Фронтоник взвился от обиды, потрясая культей.

Это произвело на хозяина избы неожиданное впечатление. Он как-то осел. Лицо выражало доброе участие.

— Это какой Меньшиков? Не отца ли батюшки Владимира сын Колюня?

— Он самый, — пролепетала Тоня.

— Я очень уважал батюшку Владимира. Праведный был человек! Царствие ему небесное! И матушка Серафима добрая была душа. Заходите! И живите! Эко, паря, тебя отделало!

Николай недоуменно смотрел на старика, изменившегося до неузнаваемости, на Тоню, ничего не понимая.

— Селиверст Федотыч пускает нас.

До Николая дошло, но обида еще не прошла: "Не нравится мне все это! Баня по-черному, а не изба! Надо мыть!"

— Селиверст Федотыч, мы тут вымоем все, вам дышать будет легче. Я же прибиральщица правления колхозного, знаю в этом толк, — затараторила молодуха.

— Уговорила! Мойте ужо! — согласился старик-великан.

Тоня сбегала за сестрой. Вдвоем терли часа четыре, все время меняя воду, растапливая снег. Слава Богу, снега кругом навалом, ходить далеко не надо. Только вчера лютовала вьюга. Намело с наветренной стороны под крышу. Здесь в каждом дворе баня — обязательное первостатейное дело, а у старика своей бани не было. Тоня истопила баню, общую на деревню. Первого отправили мыться хозяина избы, уже буквально лопавшегося от грязи.

На удивление, уговаривать его не пришлось. Собрался быстрехонько. Час моется, два моется.

— Сходи Николай! Попроведай! Чтой-то неладно. Не задрали старика волки?

— И то, схожу.

Время вечернее, а темнота глубокой ночи. Обнаглевшие волки бродят за околицей. Избушка пастуха на отшибе. Общественная баня ближе к центру деревни. Мороз крепчает. Вспомнилось Николаю, как в такую же морозную зимнюю ночь мама отправляла его в далекий путь, собрав котомку и благословив крестным знаменем от лихих людей. Нерадостные воспоминания. Тяжело вздохнул покалеченный солдат. Стиснул зубы. Все это было, кажется, так давно. Но такое не забывается. А вот и баня. Николай открыл дверь.

— Вы живы, Селиверст Федотыч?

— Живой. Чаво мне?

— Долго моетесь. Тоня послала узнать, ладно ли?

— Ладно, ладно! Все ладно! Одеваюсь я. Иду уже.

Пришел в избу, аж светится весь. Чистый да веселый. Многолетняя грязь отпарилась. Глаза под косматыми чистыми бровями сияют.

— Идите мойтесь! — скомандовал молодоженам.

Вернувшись из бани, молодые застали хозяина уже на печи.

— Давайте пить чай, Селиверст Федотыч!

— Ой, чтой-то там тот чай! — обронил небрежно.

Но с печи слез. Общее чаепитие состоялось. Жизнь вроде бы вошла в размеренное стабильное русло. Николай — почтальон, кладовщик, весовщик. Скучать некогда. Справляется.

— А коли так: будешь еще и молоко принимать, Николай Владимирович! — решил председатель.

По утрам веселый гомон молочниц наполняет избу:

— Принимай молочко, Николай Владимирович!

— Тоня, смотри не проворонь! Гляди-ка, как Аниська глазами ест твоего Николая-то!

— Ты сама не прочь гульнуть, Фиська! — заливается смехом Аниська.

— Чего вы, девки, вцепились в женатого человека, да еще при жене законной? А свободный жених без внимания? — сетует дед Селиверст. Девки и бабы дружно хохочут. Хозяин ворчит недовольно и прячется за печь.

— Куда ты, жених? Аль невесты нехороши? — продолжают донимать старика молодухи.

Молчит. Совсем скрылся в глубине лежанки. Так вот, в трудах, в нужде постоянной (на трудодни не давали ни хлеба, ни денег, пенсия 120 рублей в месяц, 1 литр молока и 400 грамм хлеба в магазине как инвалиду, ежедневно), с маленькими простыми житейскими радостями промелькнул год.

Среди зимы лютой Селиверст Федотыч заявил о намерении жениться.

— Николай Владимирович, я это, того, жениться решил на Авдотьей из Андропова. Мне 65 лет, ей тоже 65 лет. У нее усадьба 25 соток. Богатая невеста. Так что, Николай Владимирович, вам надобно искать себе футеру!

— Зима надворе! Селиверст Федотыч, кто же зимой играет свадьбу? Ждите до весны хотя бы!

— Мы с Авдотьей решили так! Так и быть, ищите! Буду тараканов морозить.

— А вы куда пойдете?

— А никуда! На печке лежать буду! Открою посторонку (вьюшка), и тараканы уйдут!

— Если вы откроете посторонку, то сами уйдете вместе с тараканами!

Всю эту историю с женитьбой старик выдумал, чтобы избавиться от надоевших постояльцев. Деваться, однако, некуда. Надо переезжать. Перебрались в Макарово к одинокой старушке. К той поре Тоня уже родила девочку. Назвали Валентиной. Молока у Тони нет. Питание хуже некуда, только бы не умереть с голоду.

— Надо козу покупать! — решает Николай.

— Цена ее таперешняя пуд ржи да 100 рублей деньгами, — сетует жена, — а у нас ни того, ни другого нет. Коля, иди к председателю. Должен помочь. Ты же за четверых волокешь. Ничего-то и не получаешь. Стукни кулаком! Скажи: уйду от вас! Пускай сам письма носит, молоко принимает!

Вздыхнул тяжело Николай:

— И то, пойду стукну!

Председатель на месте, при исполнении. Тоже фронтовик, с деревянной подпоркой вместо ноги, но при всем том до баб зело охочий.

— Чего не у дела, Николай Владимирович?

— У Тони в грудях ничего нет! Нужна коза.

— Ну и что?

— Сам знаешь, коза денег стоит. А на трудодни даешь аж ничего. Выпиши пуд ржи.

— В грудях у Тони нет. Вот ей ко мне и ходить, а не тебе. А ржи нет!

Но тут подала голос, до сей поры молчавшая, огромного роста и внушительного телосложения член правления колхоза Макариха, как ее все величали. Сказывали, председатель ее побаивается.

— Не озоруй, Филимон! А пуд ржи выпиши. Николай Владимирович за четверых лямку тянет, и Тоня наша прибиральщица. Выписывай, Филимон, пуд ржи молодым!

Председатель, притворно вздыхая, через не хочу, полез в стол за бумагой:

— Разоряете! От сердца отрываю!

Николай берет бумагу. В нем еще клокочет не вырвавшийся наружу гнев:

— Спасибо вам, Авдотья Макаровна! Поклон вам низкий!

И даже не взглянув на председателя, выскочил за дверь, как ошпаренный. На крыльце глубоко вздохнул. И пошел прямым ходом отпускать себе пуд ржи, согласно письменному распоряжению председателя. Теперь дело за небольшим — дожждаться пенсии. Как раз придача ко ржи. И собственное молоко козье принесет в семью благоденствие.

В другом конце деревни одинокая старушка продавала козу.

— Коза-то у меня добрая, а молока дает мало, потому что кормов нет, кормлю соломой. Дает один литр. Надо кормить лучше, — сказала она столь неожиданному покупателю.

— И сколько же за это создание? — спрашивает Николай.

— Пуд ржи и 100 рублей деньгами.

— Хорошо. По рукам, Никитишна!

— Николай, я согласна!

Довольный сделкой, идет Николай деревней, а рядом коза пошатывается. Добрели до дома. Тоня встречает на крыльце.

— Вот, Тоня, "корову" купил!

— Иди сюда, кормилица наша!

— Дай ей водицы, да сенца подбрось! — распоряжается хозяин.

А коза воды не пьет, сена не ест.

— Подои!

Надоила стакан молока.

— Пасти надо, Коля!

Среди густой травы вбил колышек, привязал:

— Пасись, коровушка!

Под вечер Тоня козу подоила. Надоила аж полстакана. Пригорюнились молодые родители. Обманула шельма, старуха. Сидят, смотрят на корову, то бишь на козу. Реветь охота вголос. А тут, как в сказке, откуда ни возьмись, старичок-лесовичок: махонький да сухонький, седой весь, как лунь.

— Козу купили? — интересуется.

— Да, купили! — нехотя бросает Антонина.

— Молока не дает? — продолжает тот свои расспросы.

— Не дает! Полстакана! — сетует молодая женщина.

— Ох и хитрющая эта старушенция Епифаниха! Подсунула вам козу, которую еле ноги носят. Ну да я вас выручу. На меня наложили мясной налог. Я решил сдать козу. А коза хорошая, по три литра молока дает. Берите мою, а вашу я сдам на мясо. Мне дадите пуд ячменя в придачу. Пусть Тоня придет к нам, сама убедится!

Хозяйка, женушка старичка-лесовичка, при Тоне надоила три литра молока. Николай опять пошел к председателю.

— Коза Епифанихи дает полстакана молока — даже кошке мало! Дед Харитон меняет нашу Зойку на свою козу, да просит пуд ячменя в придачу.

Председатель сплюнул с досады, но скосил глаза на Макариху.

— Сказал "А", говори "Б". Не вздыхай. Не свое отдаешь. Выписывай, — не глядя, командует та.

Председатель в сердцах выругался и снова подписал бумагу. Отпустил Николай себе пуд ячменя, оформив все честь по чести. Взвалил мешок на плечи и пошел к деду Харитону.

— Принимай ячмень!

— Забирай козу, веди свою, — отвечивал тот.

Привел Николай свою новую покупку домой. Коза пьет, сено ест. А выпустили пастись, сама пришла домой к... старым хозяевам, но честно отдает три литра в день. В общем, очень выручила коза молодую семью.

Наступило лето. Коза окотилась. Землянику едят хозяева со сме-

таной. Стали козленка держать. Полгода козленку уже. Резвый такой, шустрый. Выпустила Тоня козленка в огород. Вечером глядь-поглядь, его нет.

— Коля, сходи в лес, поищи козленка. Если волки задрали, хотя бы косточки найдешь.

Николай обыскал ближний лесок. Козленка нет и костей нет. Знать, не волки постарались. Знать, украл кто-то из деревенских.

В шесть часов утра Николай развозит по дворам колхозников зерно для просушки на русских печах в каждой избе. Затем это зерно отправляет государству.

До девяти принимает молоко. Разносит почту до четырех вечера. Потом работа на весах и в кладовой...

Как-то прислали в колхоз уполномоченного из райкома партии с проверкой. Инструктор райкома молодой, достаточно уже разжиревший и нагловатый, появился в правлении:

— Уполномоченный райкома партии Антонов. Приехал проверить, как сдают молоко.

— Сейчас познакомлю вас с приемщиком молока, — сказал председатель колхоза. — Он вам все подробно объяснит и предъявит документы. Тоня, отведи товарища уполномоченного к Меньшикову.

Тоня привела уполномоченного домой. Николай как раз собирался разносить почту.

— Председатель послал к тебе, Коля, чтобы ты познакомил начальника из района с тем, как ты принимаешь молоко.

Районный начальник раздулся, как разозленный индюк.

— Меньшиков, рассказывай, как принимаешь и сдаешь молоко. Кто сдает, а кто не сдает? Предоставь список.

— Утром принимаю молоко. Женщины привозят молоко во двор, зимой прямо в избу.

— Все ясно, Меньшиков! До нас дошли слухи, что ты выдал людям муку.

— Да. Председатель приказал. Бригадир высушил зерно, и один мешок перемололи. Выдали на семью по четыре килограмма муки...

— Собирай народ, Меньшиков! — скомандовал уполномоченный.

Собрался народ. В основном, старики да бабы.

— Вы знаете, несознательные вы граждане, что война идет? Люди на смерть идут! А вы тут шикуете! — перешел сразу же на крик непрошенный гость из района.

— Это мы шикует? Куклену едим! Ни хлеба, ни денег на трудодни не дают! — завопила истошным голосом разъяренная баба.

— А четыре килограмма муки на семью? — в свою очередь заорал взбесившийся начальник, перекрикивая бабий галдеж.

— Что ж, нам теперь с голоду помирать? — атаковали его те.

— Я ж вам говорю, что все зерно надо сдавать государству! Все для фронта. Люди за вас жизни кладут! — бравировал словами тот.

— А почто ты здесь, кабан мордатый, отсиживаешься, с бабами воюешь? — не сдавались сдатчицы молока.

— Кто-то же должен из вас выколачивать, вас мобилизовать!

Бабий гвалт поднялся с новой силой. Начался настоящий бабий бунт. В уполномоченного полетели камни, льдины, палки — все, что попадалось под руку. Вместе с камнями и палками летели в его адрес оскорбительные слова:

— Это ты, сволочь, шикуешь! Раскормил брюхо — порты не сходятся.

— Морда от жира трескается!

— Крыса тыловая!

— Все для фронта! А сам от фронта?!

Чей-то камень сбил с уполномоченного шапку. Обозленные годной жизнью, подогретые наглыми разглагольствованиями районного начальника, выплескивая наболевшее, женщины подступали к нему все ближе и ближе. Почувствовав нешуточную угрозу, уполномоченный позорно сбежал. Вернулся через два дня с двумя милиционерами. Все трое нагрянули к Николаю:

— Одевайся, Меньшиков, веди нас к председателю колхоза! — скомандовал один из них.

Милиция — дело не шутейное! Николай оделся быстрехонько. Повел в соседнюю деревню. Зашли в правление.

— Где председатель?

— Нет его. Сбежал!

— Веди к нему домой!

Дверь открыла жена. Глядя на милиционеров, перепуганная женщина онемела. Едва добились от нее, наконец: "С утра ушел. Куда, не знаю".

— Мне нужно работать, начальник, — напомнил о себе Николай.

Наконец, где-то поймали председателя. Забрали в район и Николая. Допрашивали в райкоме партии:

— Какое вы, Меньшиков, имели право выдавать муку колхозникам? Себе, небось, тоже выдал?

— Мы не хуже других. Жена с первых дней коммунарка! Я с 1929 года в деревне не жил. Мы не имеем дома. Нет у нас приусадебного участка. Я — инвалид войны. Работая в четырех должностях за

здорово живешь, без оплаты, сами знаете. И вы меня еще стыдите, — пытался защитить себя и свою семью фронтовик.

Продержали в помещении райкома три дня. На ночь запирали. Не кормили. После долгих разговоров, "разъяснений" и прямых угроз Николая отпустили, председателя увезли в Великий Устюг. Домой он так и не возвратился. Начальнику связи района (тоже фронтовику) поручили проверить работу Николая. Тот остался доволен. По результатам проверки Николая даже премировали, вручив сто рублей. Жили все это время в пустовавшем доме. Хозяйка пустила с условием:

— Живите, поддерживайте дом в хорошем состоянии. Больше от вас ничего не требуется.

— А сама как?

— Я уйду с детьми к сестре. Вдвоем легче прожить без мужиков-то!

Четыре года прошли в трудах праведных при существовании нищенском. Но молодость и невероятное жизнелюбие помогли выжить.

Кончилась война. И на семью Меньшиковых обрушились новые невзгоды. Объявился хозяин дома, бывший начальник НКВД какого-то уровня:

— Я приехал к вам по делу, предъявить вам счет за четыре года проживания в моем доме — 400 рублей!

— А ваша жена пустила при условии лишь бы сохранять дом...

— Ничего не знаю! Давайте 400 рублей! И выбирайтесь!

Выехали. У соседки тоже вернулся муж с войны, и они решили переезжать в Архангельск. Продают дом. Председатель Нечаев дом покупает, а расплатиться предлагает по частям: сейчас денег в наличности таких не имеет. Но хозяйка дома не согласна. Предложила:

— Ты, Николай, с семьей заселяйся. Живите, да храните дом.

Стали жить. Дров нет, топить нечем. Нечаева сменил новый председатель — Беляев. Кругом леса непроходимые, а дров нет. Надворе зима лютая — 40 градусов. Сугробы вокруг. Ветер в трубе гудит, пересвистывает, душа стынет. По ночам от волчьего воя не становится теплее. Пошел к председателю. Он тоже фронтовик.

— Нужна мне лошадка, Максим Кузьмич, дров привезти.

— Обратитесь к бригадиру.

Бригадир ответил:

— Есть одна лошаденка, да она худа и слаба. На ней много не увезешь. Запрягай, пожалуй, косача!

До леса Николай добрался с трудом: дорога не разъезжена. Сугробы, что надолбы противотанковые. Как будто лес не хочет отдавать свои богатства. Срубил десять берез (с одной рукой-то). Обратная дорога полегче. Привез домой, сгрузил. Отвел на конный двор косача. Тоня охает:

— Коля, пилы-то у нас нет!

— Не зубами же грызть, пойдем по дворам.

Нашли-таки пилу. Распилили березки. Накололи дров. Натопили. Дом нахолодал, никак не согреется. Но от того, что в печи трещат дрова, уже весело. К утру в избе стало тепло. Опять зажили.

В мае 1948 года переехали в Архангельск. Позвала Тонина сестра:

— Переезжайте к нам. Много пустующих квартир в городе.

Подумали, решились. Денег нет. Продали козу. Засунули две подушки в сундук — Тонино приданное. Других вещей нет. Добрались кое-как до места. Архангельск в то время, да и много позже, представлял из себя этакий Китеж-град из древней легенды-сказки. Дома в центре города двух- трехэтажные, многоквартирные, почти сплошь деревянные, бревенчатые. А окраина, как окраина: частные домики и бараки среди канав и водоемов разной конфигурации и величины, от луж до заливов и проливов, омывающих острова. Тротуары повсеместно — настилы из досок. Дороги тоже из досок: добротных, толстых и широких. Оно и понятно, город покоится на болоте. Доски по мере надобности заменяются. Этим занимается специальная дорожная служба. Следит за состоянием и своевременно заменяет. Город, по сути дела, — огромный комбинат по обработке древесины: от швартования плотов до производства досок и другой высококачественной продукции. Трамвай, курсируя по городу, пересекает несколько лесопильных и деревообрабатывающих заводов, следуя по их территории. При этом, летом раздается команда кондуктора: "Закреть окна и не курить!"

Жилые поселки, где проживают жители тех или иных заводов, носят их же номера. Поселок, где на долгие годы обосновалась семья Меньшиковых, носил название "23-ий завод", а место в целом — Солабала. И добраться в центр города можно только вплавь специально курсирующими лодками.

По приезде в Архангельск остановились у Тониной сестры. У нее частный домик. Попытались устроиться на лесозавод. Не взяли. Николая по инвалидности, Тоню по неграмотности. Четыре года Николай пас коров, гонял через реку на болото. Затем устроился в ар-

тель инвалидов "Вперед". Председатель артели, бывший прокурор, сам фронтовик, посочувствовал: приняли. В первый день работы грузил с напарником баржу бободьями (двухметровые горбыли). За сутки баржу нагрузили. Потом долгое время работал на подхвате, кто куда пошлет. С течением времени доверили работу в багетном цехе. Шурил и полировал рейки и бронзировал рамки. Через некоторое время открыли новый цех. Перевели туда строгать доски на станке. Проработал на предприятии двадцать лет. За мастерство и безупречную работу удосужился звания "Ударник коммунистического труда". За добросовестный и долголетний труд был награжден... меховой шапкой.

Жили все это время все в том же бараке, окруженном лужами и канавами со стоячей зацветшей водой, на острове или полуострове.

Пролетели годы. Прошумели события. Не стало Тони. Вышла замуж дочь Валентина. Мы, в конце концов, уговорили Колю (он долго сопротивлялся) обратиться в горвоенкомат по поводу улучшения жилищных условий (жил он все в том же бараке, окруженном лужами). Вскоре он получил однокомнатную квартиру со всеми удобствами на втором этаже одной из многоэтажек.

Правда, далеко от центра, и тротуары в окружении водных канав, но автобусное сообщение налажено. В общем, зажил, наконец, Николай цивилизованной жизнью. Вскоре женился на женщине на семь лет его младше. Работала вахтером, но в теплом месте. Уходить с работы никак не соглашалась. Готовить не умела и не хотела. Но его устраивала, и он был очень доволен.

Повесть «Зина» и рассказ «Николай» о детях священника Варженской церкви Владимира Меньшикова взяты из книги Виктора Ивановича Карпенко «На Варжу» (Первомайск, 2012).

Текст книги предоставлен сыном автора Русланом Викторовичем Карпенко и выложен по адресу <https://yadi.sk/i/C985ruX032bzb7>